

Г. Л. СОБОЛЕВ

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА: ВЗГЛЯД ИСТОРИКА ИЗ 2012 ГОДА

Вот уже 95 лет не утихают споры вокруг оценки Русской революции 1917 года. И это не удивительно: ведь она потрясла весь мир, изменила коренным образом характер его развития. И все же постепенно наступает время постигать смысл и значение Русской революции 1917 г. Высланный в 1922 г. из Советской России философ Н. А. Бердяев, размышляя в эмиграции над уроками Русской революции и причинами победы в ней большевиков, в опубликованной в 1937 г. работе «Истоки и смысл русского коммунизма» напишет: «...никогда в стихии, и особенно революции, созданной войной, не могут торжествовать люди умеренных, либеральных, гуманитарных принципов. Принципы демократии годны для мирной жизни, да и то не всегда, а не для революционной эпохи. В революционную эпоху побеждают люди крайних принципов, люди склонные и способные к диктатуре. Только диктатура могла остановить процесс окончательного разложения и торжества хаоса и анархии. Нужно было взбунтовавшимся массам дать лозунги, во имя которых эти массы согласились бы организовать и дисциплинировать, нужны были заражающие символы. В этот момент большевизм, давно подготовленный Лениным, оказался единственной силой, которая, с одной стороны, могла докончить разложение старого и, с другой стороны, организовать новое. Только большевизм оказался способным овладеть положением, только он соответствовал массовым инстинктам и реальным соотношениям...»¹.

Интересно, что спустя 60 лет, отвечая на вопрос, почему в октябре 1917 г. взяли власть большевики под руководством Ленина, к аналогичному заключению приходит известный специалист по истории России, почетный член Французской Академии наук Элен Каррер д'Анкос. В вышедшей в 1998 г. книге «Ленин» она подчеркивает, что вернувшийся из эмиграции вождь большевиков увидел, что движущей силой революции в России стала стихийность, что общество не боролось ни за либерализм, ни за социализм, а защищало свои интересы: хлеб и мир для всех, земля крестьянам, рабочий контроль на предприятиях, самоопределение национальных меньшинств.

¹ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 114–115.

«Без колебаний он встает на сторону всех стихийных требований, делает свою партию их рупором, — пишет Каррер д'Анкос. — Лозунг “Вся власть Советам!” — лозунг, который с точки зрения ортодоксального ленинизма был неприемлем, с точки зрения революционной тактики он был гениальной находкой»².

В самом деле, большевики не скрывали, что их программа носит классовый характер, выражает интересы трудящихся классов. Они призывали всех обездоленных встать на путь, «который ведет к решительной непримиримой борьбе до конца за царство трудящихся, за царство социализма, когда не будет ни богатых, ни бедных, ни ограбленных, ни войны, ни споров, из-за места под солнцем на нашей прекрасной земле, ставшей местом печали и слез, насилий, крови и бесконечных страданий человечества»³. И не случайно народный социалист А. В. Пешехонов, выступая на Демократическом совещании, признавал: «Ведь эти притязания трудовых масс, притязания обойденных и угнетенных национальностей. И не так легко поэтому демократии разрывать с большевиками, отказаться от этих классовых требований прежде всего от того, что эти требования по существу своему справедливы»⁴.

Какими бы факторами ни объяснять победу большевиков в октябре 1917 г., нельзя при этом отрицать, что противостоявшие им меньшевики и социалисты-революционеры потерпели тогда поражение. Они совершили немало ошибок и промахов на разных этапах Русской революции 1917 г., начиная с не просчитанного до конца решения «пойти во власть» и кончая трусливым отказом взять на себя всю полноту власти в самый критический момент революции. Главная же ошибка социалистов была в том, что они не выполнили своих обещаний, данных рабочим, солдатам и крестьянам. Жестокое поражение потерпела прежде всего их социальная политика, что и привело к резкому сужению их влияния в народных массах⁵. По более позднему признанию одного из самых влиятельных «вождей» Русской революции на первом этапе И. Г. Церетели, лидеры российской социал-демократии «оказались неподготовленными к той исключительной обстановке, созданной русской революци-

² Каррер д'Анкос Элен. Ленин. Пер. с фр. М., 2002. С. 339–340.

³ Листовки петроградских большевиков. Т. 3.: 1917–1920. Л., 1957. С. 94.

⁴ Известия. 1917. 17 сент.

⁵ См.: Смирнова А. А. 1) На тернистом пути к нежеланной власти. СПб., 2005; 2) От коалиции к катастрофе. СПб., 2006.

ей, когда впервые в истории и всех революций мира руководящая роль легла на социалистов, а главная опасность для свободного мира шла слева»⁶.

Поиски выхода из мировой войны оказались для российских социалистов поистине «дьявольской альтернативой». Вернувшийся в мае 1917 г. из эмиграции в Россию лидер меньшевиков-интернационалистов Ю. О. Мартов не мог не заметить, что «в массе и рабочих и солдат стремление к миру очень сильно». В связи с этим в одном из своих писем он писал: «Чувствуется, что блестяще начатая революция идет под гору, потому что при войне ей некуда идти... Если не удастся привести очень скоро к миру, неизбежна катастрофа»⁷. Однако это не хотели принимать во внимание союзники России. Не считаясь с новой политической ситуацией в России, Великобритания, Франция и Соединенные штаты продолжали оказывать всяческое давление на Временное правительство, настаивая на активизации военных усилий на фронте. По словам французского генерального консула в Москве Гренара, «союзники были ослеплены в своем желании продлить любой ценой военное сотрудничество с Россией. Они совершенно не видели, что возможно, а что нет»⁸.

Французский министр по делам вооружений социалист Альбер Тома, прибывший в апреле 1917 г. в Россию, чтобы поддержать Временное правительство и выяснить заодно степень готовности русской армии к наступательным операциям, увидел главную опасность в антивоенной кампании большевиков. В начале июня 1917 г. Тома направляет французскому атташе в Стокгольме следующее предписание: «Нужно дать правительству Керенского возможность не только арестовать, но и дискредитировать в глазах общественного мнения Ленина и его последователей, а для этого необходимо выяснить, при каких условиях противники революции смогли проникнуть на территорию новой Республики, откуда поступают деньги, которые они так легко раздают, и кто за ними стоит. По моим первым сведениям, ключ проблемы в Швеции»⁹.

Вместо оказания Временному правительству реальной военной и финансовой помощи союзные державы продолжали и осенью 1917 г. использовать метод дипломатического давления на Россию. В конце сентября 1917 г., сра-

⁶ Церетели И. Г. Воспоминания о Февральской революции. Париж, 1963. Кн. 2. С. 408.

⁷ Урилов И. Х. Мартов: политик и историк. М., 1997. С. 241.

⁸ См.: Фишер Л. Жизнь Ленина. Пер. с англ. Т. 1. М., 1997. С. 195.

⁹ Попова С. С. Между двумя переворотами. Документальные свидетельства о событиях лета 1917 года в Петрограде (по французским и российским архивным источникам). М., 2010. С. 144.

зу же после образования третьего и, как скоро выяснится, последнего коалиционного правительства, послы Великобритании, Франции и Италии выступили с совместной вербальной нотой Временному правительству. «Сэр Джордж (Бьюкенен – Г.С.), охваченный небывалым для себя волнением, – вспоминал А.Ф. Керенский, – зачитал мне ноту от имени трех держав, где союзники угрожали прекратить военную помощь русскому фронту, если Временное правительство немедленно не восстановит нормальный порядок в стране. Грозить официальным разрывом военного и союзнического сотрудничества правительству, которое, рискуя всем своим авторитетом, боролось с опасными для союзников тенденциями!»¹⁰. Разделяя возмущение Керенского позицией союзных послов, нельзя здесь не отметить, что вставшая во весь рост перед Россией альтернатива – продолжать войну или заключать мир – не была во время принята во внимание союзниками. И это имело катастрофические последствия не только для Временного правительства, но и судьбы России.

Встретившись 12 октября 1919 г. с английским послом Дж. Бьюкененом, Керенский не мог скрыть своего разочарования в связи с фактическим отказом союзников в реальной помощи, заявив при этом, что «в определенных кругах даже возникло подозрение, что союзники планируют заключить мир за счет России». Категорически отвергая такую возможность, Бьюкенен вместе с тем заметил, что «хотя британское общество с пониманием относится к тем трудностям, которые переживает сейчас Россия, но после падения Риги нет ничего удивительного в том, что оно оставило всякую надежду на ее дальнейшее активное участие в войне»¹¹. Со своей стороны, Керенский в беседе с агентом британской секретной службы С. Моэмом (тогда уже известным писателем) признал, что русскую армию нельзя удержать на фронте, в связи с чем призвал союзников немедленно предложить Германии заключить мир без аннексий и контрибуций¹². По всей видимости, в связи с этим «раскольническим» предложением Керенского на него тогда пало подозрение в том, что он сам находится в «шпионских сношениях» с Германией. Американский профессор Э. Саттон в своей книге «Уолл-стрит и большевистская революция» опубликовал любопытный документ из архива Министерства иностранных дел Великобритании – меморандум от 23 октября 1917 г. Ввиду его краткости и одновременно важности воспроизводим здесь его полностью:

¹⁰ Керенский А. Ф. Русская революция 1917. М., 2005. С. 324.

¹¹ Бьюкенен Джордж. Моя Миссия в России. Пер. с англ. М., 2006. С. 345.

¹² Kettle M. Allies and The Russian Collapse March 1917 – March 1918. London, 1981. P. 98–99.

«Лично и секретно. Из более чем одного источника к нам поступают беспокоящие слухи о том, что Керенский находится на жалованье у Германии и что он и его правительство делают все, чтобы ослабить и дезорганизовать Россию, приведя ее к положению, когда никакой другой курс, кроме сепаратного мира, будет невозможен. Считаете ли вы, что есть основания для таких инсинуаций, и что правительство, воздерживаясь от эффективных действий, целенаправленно позволяет большевикам набирать силу? Если это будет вопросом подкупа, мы должны быть в состоянии успешно конкурировать, если бы стало известно, как и через каких агентов это может быть сделано, хотя это и неприятная мысль»¹³. Остается только сожалеть, что этот документ был опубликован тогда, когда ни Керенский, ни другие члены Временного правительства уже не могли ни опровергнуть эти «инсинуации», ни дать какие-либо объяснения по этому поводу. Комментарий самого Саттона более чем лаконичен: «Относится к информации, что Керенский состоял на жалованьи у Германии»¹⁴. Насколько мне известно, этот документ не получил публичного обсуждения, и остается только гадать, по какой причине. По причине невероятности и фантастичности высказанных в нем слухов? Или незаинтересованности поднимать эту проблему? – дабы не отвлекать внимание от «главного» германского шпиона – Ленина?

Говоря о политических уроках Русской революции 1917 г., нельзя не сказать о роли в ней национального лидера, на которую претендовал А. Ф. Керенский. Претендовал, как считают сегодня объективные исследователи, не имея для этого необходимых качеств. Начав свое восхождение к верховной власти с первых же дней Февральской революции, Керенский вступил на скользкий путь борьбы за личную власть, видя в ней самую надежную гарантию сохранения завоеваний революции. Проявив себя ловким и временами даже авантюрным политиком, Керенский осуществил в июле 1917 г. свою заветную мечту – возглавил Временное правительство. Как считает авторитетный историк С. В. Тютюкин, «для принятия поста премьера ему явно не хватало кругозора, опыта, решительности, умения подбирать руководящие кадры страны. Керенский был слабо знаком с вопросами экономики, транспорта, финансов, управления народным хозяйством, внешнеполитиче-

¹³ Саттон Э. Уолл-стрит и большевистская революция. Пер. с англ. М., 1974. С. 230.

¹⁴ Там же. С. 231.

скими проблемами»¹⁵. Неудивительно поэтому, что влияние Керенского падало с каждым днем, и его интеллектуальный ресурс к октябрю 1917 г. был фактически исчерпан полностью.

Сегодня стало модным обвинять народные массы России в 1917 г. в революционном нетерпении. Однако следует иметь в виду, что их тяготы изменялись уже тремя годами военного времени. Углублявшийся в стране с каждым днем кризис во всех сферах хозяйственной и социальной жизни воспринимался как катастрофа капитализма. Все это создавало благоприятную почву для распространения представлений о том, что только на путях отрицания капиталистического общества может быть найден выход из безнадежного положения. И здесь особая роль принадлежала пролетарскому авангарду — питерским рабочим, которые раньше, чем где бы то ни было, начали воспринимать свое отчаянное положение как результат катастрофы капитализма. Рабочие Петрограда, острее других отрядов пролетариата страны чувствуя растущую угрозу контрреволюции и надвигающуюся экономическую катастрофу, сумели в октябре 1917 г. увлечь за собой широкие слои трудящихся, зажечь огонь революционного энтузиазма. Но начавшаяся гражданская война показала, что для сохранения ведущей роли пролетарскому авангарду необходимо было расширить и укрепить свои ряды, получить поддержку основной массы рабочих и крестьян, пойти с ними на соглашение, не утрачивая при этом и своих социальных идеалов. Об опасности разложения этого тонкого передового слоя предупреждал в 1918 г. Ленин, который тогда понял, что для того чтобы поднять революцию «до настоящего преддверия социализма», необходимо вдесятеро больше отрядов сознательных рабочих¹⁶. Однако в результате кровавой гражданской войны произошло противоположное: ряды пролетарского авангарда вдесятеро сократились. А затем его остатки были уничтожены Сталиным, обюрокрачены созданным им тоталитарным государством, растворены в многомиллионной крестьянской массе, пришедшей в город в 20–30-е годы.

Итак, если оставаться на позициях историзма, то Русская революция имела глубокие внутренние причины, многократно усиленные Первой мировой войной. Большевики пришли к власти на волне народного протеста против социальной политики Временного правительства, разраставшейся в стра-

¹⁵ Тютюкин С. В. Александр Керенский. Страницы политической биографии (1905–1917 гг.). М., 2012. С. 295.

¹⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 364.

не анархии и начавшегося в стране распада государства. Но они не только выдвинули лозунги, отражавшие чаяния рабочих, солдат и крестьян, но и, придя к власти, приняли основополагающие для народа Декреты о мире и о земле, «Декларацию прав народов России». Именно поэтому Октябрьский переворот имел глубокий социальный смысл и стал неотъемлемым этапом Русской революции 1917 г.

Могло ли быть создано на Втором съезде Советов демократическое правительство из представителей всех социалистических партий, к чему призывал на съезде лидер меньшевиков-интернационалистов Мартов? Теоретически — да, но практически, пожалуй, нет. Если в начале сентября 1917 г., после совместной победы над корниловщиной, лидеры меньшевиков и эсеров презрительно отвергли сделанное Лениным предложение компромисса, то в условиях, когда судьба Временного правительства была уже решена восстанием, хрупкие мосты для компромисса были сожжены при участии обеих сторон. Как мне представляется, предложение Мартова заключить «соглашение между восставшей частью демократии и остальными демократическими организациями об образовании демократического правительства, которое было бы признано всей революционной демократией и которому могло бы сдать власть Временное правительство безболезненно»¹⁷, было безнадежной попыткой примирить уже непримиримых противников. Начавшаяся затем гражданская война со всей очевидностью показала, что это соглашение было необходимо, и не с «жалкими кучками», обанкротившихся политиков, как считал Л. Д. Троцкий, а с миллионами крестьян, и даже с теми рабочими, которые оказались не с большевиками.

Русская революция 1917 г. предупредила весь мир о катастрофических последствиях, на которые обречены все преобразования и реформы, если они не несут в себе улучшения экономического положения для широких народных масс. Она показала также необходимость достигать соглашения как между всеми политическими силами, претендующими на власть, так и социалистами разных направлений, впервые пришедших к власти. Соглашение между социалистами в целях совместного руководства страной создает возможность избежать ожесточенной гражданской войны и социальных потрясений. И этот урок был учтен социалистами других стран, которые, придя к власти после неудачного эксперимента российских социалистов, начинали с преобразований в интересах народных масс.

¹⁷ Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. М.; Л., 1928. С. 38–39.